

Дмитрий РАХАНАЕВ

Недопетые
ПЕСНИ МОИ...

Дмитрий РАХАНАЕВ

Недопетые
ПЕСНИ МОИ...

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРЪОРИ

Раханаев Д.И.

Недопетые песни мои...: сборник стихов /Дмитрий Раханаев; [вступ. ст., ред. М.Козакова, обложка Э.Алиев] - Израиль: издательский дом «Мирвори», 2007, - 92 стр., ил.

Дмитрий Раханаев родился 2.03.1977 в городе Нальчик.

По окончании средней школы в 1993 году репатриировался в Израиль по программе НААЛЕ - Ноар Олим Лифнэй а-Орим (репатриация молодежи перед родителями).

В 1997 - 1999 служил в армии, в пограничных войсках. Печатался в четырех поэтических сборниках «Русская лирика в Израиле» 2005-2006, в альманахах «Мирвори» №1 и «Мирвори» №2. С 2005 года руководит литературной студией «Радар» при редакции Международного Информационно-образовательного и Культурного Центра «ИТЕРЛИНГВА». Работает физиотерапевтом. Увлекается психологией и философией.

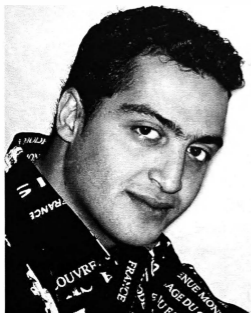
В первую книгу молодого поэта «Недопетые песни мои» вошли его лучшие стихи разных лет.

Член Союза писателей Израйля.

© Издательский дом «Мирвори», 2007

© Раханаев Д., 2007

ISBN 978-965-91102-0-9

О поэзии в прозе

Писать о поэзии сухим языком прозы – дело неблагодарное. Как уйти от банальных фраз, как не повторить всего того, что обычно пишут в предисловиях к поэтическим сборникам? Наверное, надо постараться быть такой же честной и искренней, как те стихи, что вам предстоит

сейчас прочитать, а точнее, как их автор.

В чём моя задача? Коротко рассказать тебе, читатель, о книге, которую ты держишь в руках, и поделиться своим мнением о ней. Но моё мнение не может быть объективным, я всего лишь человек. Человек, которому по воле профессионального долга довелось редактировать стихи Дмитрия Раханаева. И вот теперь мне предстоит донести до читателя в небольшой вступительной статье все те чувства и эмоции, которые они во мне всколыхнули.

Что меня подкупило в его стихах? Прежде всего, страстность, напор и энергия.

*Смычком и кистью будет мне перо служить покорно;
Вот звуком сочно-сладостным ложатся строчки вровень,
И струны трепетной души слегка аккордом тронув,
Изобразю я лиры лик горячей краской – кровью.*

Вот так. Не больше и не меньше. Смесь кавказского темперамента с врождённой эмоциональностью сделали своё дело. Его строчки порой звучат несколько самонадеянно, но я не берусь его за это осуждать. Он молод, энергичен, в нём кипят страсти, и всё это отражается в его стихах.

А ещё я нашла в них океан нерастраченных чувств, предвкушение грядущей любви, тогда как в других его стихах чувства совершенно противоположные – щемящая грусть, боль, обида. И это показалось мне таким настоящим, таким честным и не наигранным. В его стихах нет позёрства, театральной показухи. Все чувства здесь настоящие и стопроцентные.

*Коль любится, любите без остатка,
Любите кровью и душой, и телом.
Любите полноценно, коль вам сладко,
Любите, не боясь, любите смело.*

Здесь нет надуманности. Стихи отражают переживания поэта, его мысли, чувства, его понимание или философское осмысление самых различных аспектов жизни, хотя я не всегда согласна с его философскими рассуждениями и с теми выводами, которые на основании этих рассуждений он делает в своих стихах. И это моё несогласие порождало в процессе работы над книгой бурные (и интересные!) дискуссии.

Да что там философия! Порой из-за какой-нибудь спорной рифмы или придуманного Димой «неологизма» мы вступали в жаркие перепалки, по-настоящему ссорились и обижались друг на друга, точнее, я на него. Вот, к примеру:

*Голубеет небо,
Лучезреет день.
Я встречаю негу,
Погружаюсь в тень.*

С небом, которое «голубеет», я ещё как-то смирилась, но, объясните мне, что это такое «лучезреет»? Этого я пережить уж никак не могла и начала искать «неудобному» слову подходящую замену. Что он имел в виду, когда писал «лучезреет день»? Раннее утро, восход солнца освещает погружённую в сон землю. Его лучики пробираются в каждую щёлку, заглядывают под каждую былинку и травинку. И всё наполняется радостью.

Радость переполняет сердце человека, встречающего лучезарный, яркий, блестящий, новый день.

Ну, и как всё это передать одним словом, да ещё так, чтобы читатель понял и почувствовал это состояние так, как я его поняла? А никак. Лучезреет день, и всё тут.

А если я отвлекусь от своих «редакторских страданий», то, как читатель, смогу сказать: мне очень близко и понятно всё, о чём пишет Дмитрий Раханаев. А ещё я могу поделиться своим маленьким секретом: в минуты грусти, в минуты усталости и набежавшего пессимизма я заставляю себя несколько раз подряд повторить вот эти строчки:

*Жизнь, тебя полюбил
Я очень,
Изо всех своих сил.
И очи
Светят сотней светил.*

Очень рекомендую попробовать. Честное слово, помогает!

Маргарита КОЗАКОВА

Тридцатая весна уж на пороге ...

О жизни и в шутку, и всерьёз

Тридцатая весна уж на пороге,
И выводы толкают в новый путь.
Готовлюсь к новой, непростой дороге,
Чтоб в круговерти жизни утонуть.

Иль алкоголь меня уже не любит,
Иль сердце не пускает охмелеть,
Или от юности трезвея, люди
Жалеют жизнь и ненавидят смерть.

Да, прав был Соломон - на все есть время.
И вот к тридцатой подходя весне,
Я не прошусь в ту юность, ибо верю:
Любовь и в зрелости придет ко мне.

Тогда отдав все силы, ум и опыт,
Вцеплюсь в любовь всей сущностью своей.
И по ночам слагая в рифму стопы,
Я вспомню пред тридцатым мартом день.

Отошел ото сна
И вижу:
Жизнь как дева красна.
И жизнью
Я упьюсь допьяна.

И струятся лучи
Янтарем.
День в окошко стучит.
И тает
Мрак вчерашней ночи.

Жизнь, тебя полюбил
Я очень,
Изо всех своих сил.
И очи
Светят сотней светил.

Юность

Как коротка и как сладка
 была нетронутая юность.
Мечты, невинные мечты,
 лишь сердца чаще стук звучал.
Увидеть все, но не понять,
 что это грёзы улыбнулись,
Что это - жизни есть начало.
 И нет прекраснее начал!

Но, пробудившись ото сна,
 осознавать тебе так трудно,
Что это был лишь только сон,
 но не прелюдия была.
Наивные мечты ушли,
 представив мир огромный скудным.
И вот уходишь не в мечты,
 а в те былые времена.

Взрослый сон

Теперь во взрослый сон я погрузился.
Он вылечит меня от всех невзгод.
И вознесусь я легкокрылой птицей,
Встречая грудью ясный небосвод.

Но сны у взрослых - сны совсем другие.
Ведь чувства наши тронуты уже
Обилием весны и осени уныньем,
И знаем цену мы своей душе.

И вот поэтому иначе я мечтаю,
Иные думы греют сердце мне.
А юные мечты я юным возвращаю,
Пусть не тревожат осень по весне...

Вот и осень я встречаю мирно,
Тихо, без каких-либо волнений.
Но по чувствам я скучаю сильно -
Долго я уже без вдохновенья.

Коль весной я не упился чувством,
Хоть мы с мартом братья-близнецы,
Ты, сентябрь, осыпь меня безумством.
Пусть в душе вновь запоют скворцы.

Ты, сын мудрой осени во злате,
Можешь щедро чувством одарить:
Грустью можешь ты очаровать и
Музыкой ты можешь опьянить.

И музыкой ты можешь опьянить,
И, к танцу приглашая наши души,
Вшивая в них любви прекрасной нить,
Заставишь души с упоеньем слушать.

И души с упоеньем будут слушать.
И нитью сшитые любви прекрасной,
Во злате матери твоей, закружат
Под музыку сентябрьского вальса.

Мечты

Душа наполнена мечтами,
И сердце верит в благодать.
Сижу в раздумьях вечерами
Перед дрожащими свечами.
В углу смиренно ждет кровать.

Застеленная покрывалом
В багровых бархатных цветах,
Ждет милая, пока устало
Укроюсь теплым одеялом
И потеряюсь в сладких снах:

Душа наполнена мечтами,
И сердце верит в благодать,
Но вечера идут годами.
Устал мечтать перед свечами
И, сидя у кровати, ждать...

Пробуждение чувств

Я думал, что чувства уж крепко уснули,
И их пробудить сможет только весна.
Но вот, супротив моей тягостной думе,
Те чувства, волнуясь, отходят от сна.

В январскую ночь я иду вдоль залива
И ветер, куражась, швыряет песок -
То мощную жменю запустит мне в спину,
То облако пыли мне бросит в лицо.

И вот, уклоняясь от шустрого ветра,
На запад случайно свой взор устремил.
И вижу: в объятьях фонарного света,
Блистая, волнуется аквамарин.

О, Б-же! Какое в нём очарованье!
О, как эта прелесть собою пленит -
То море манит, все сапфиром играя,
И тянет неистово, словно магнит!

Все ближе и ближе к воде приближаюсь
И руку дрожащую к волнам тяну,
А волны мне руку тепло лобызают,
И чувства уже не вернутся ко сну.

Заповедь

*Чти отца своего и мать свою,
дабы продлились дни твои на земле,
которую Б-г всесильный твой даёт тебе.
(4 заповедь)*

Одну из заповедей я хочу воспеть.
Она четвертою в писании идёт:
Чтоб мы всегда, всегда могли уметь
Своим родителям оказывать почёт.

И кто не знает, что когда ни позови,
За нас волнуясь, к нам никто так не придет,
Как мать с отцом. И нет сильней любви,
Чем их любовь - надежный наш оплот.

Они всегда совет хороший нам дадут,
Прочувствованный сердцем и душой.
На пике хаоса нам создадут уют,
В сердца встревоженные привнесут покой.

Г-дь нам говорит, чтоб чтили их всегда,
И будут дети их тогда благословенны
Все дни, что на земле, на долгие года.
Так внемли заповеди - убедисься, несомненно!

Не хочу обманываться боле,
Не желаю слышать смех сатира,
Я устал от этой глупой боли,
От собою созданного мира.

Не хочу я соблазняться боле,
Словом фонтанировать не буду;
Лишь упьюсь мне выделенной долей
И с насмешниками буду грубым.

Нет в душе уж места для иллюзий,
Нет уж боле ранам места в сердце,
И никто мне голову не вскружит -
В них закрыта посторонним дверца.

Хочу раскинуть мысли я
И разложить по полкам,
Чтоб не было сомнения,
И делать мог все с толком.

Теперь я понял: суета -
Одно лишь искушение.
Нужны нам мыслей чистота
И чуточка терпения.

Голубеет небо,
Лучезреет день.
Я встречаю негу,
Погружаюсь в тень.
Ах, как много света!
Птиц слышна свирель,
И ласкает ветром
Молодой апрель.

Из сказок знаем мы о Джине,
Что может выполнить

он три
желания.

Если б попался он

в моём
кувшине,

То попросил бы я для мира
любви,

добра,
взаимопонимания.

Прочел дарованную Б-гом Тору.
Познал законы, принцип бытия.
И очень много вдруг открылось взору.
И стал я корректировать себя.

И чувствую я с самого начала,
Как отдаваясь очищению души,
Ко мне любезней относиться стала
Моя нелегкая доселе жизнь.

Казалось раньше: невозможно это,
Все догмы я оставлю на потом...
Но вот решился и умылся светом,
Дарованным Всетерпящим Творцом!

И что ни шаг - Г-дь мне дарит благо,
Вселяет веру в доброту Свою.
Душа моя ликует, ибо рада,
Что счастье близится, и ангелы поют.

Я Б-га восхваляю многократно!
Я воспеваю доброту Его!
Ему теперь я предан безвозвратно!
Ведь нет Могущей никого!

Г-дь, молю: дай для души мне ветра,
Чтоб жизнь моя болотом не стояла,
Чтобы быстрее пролетал я метры,
В которых нет ни старта, ни причала.

Дай ветра, чтобы был он ураганом,
Сносил с пути и лень, и пыль сомнений,
Пусть душу будоражит беспрестанно,
Иначе здесь бессилен даже гений!

Да что нам гений, пред Тобой, Всесильный!
Коль наше счастье вдалеке ты держишь,
И нам к нему плестись, погрязнув в тине,
И всё искать: но где же счастье, где же...

Но если ветра дашь мне, о, Всесильный,
Чтоб ястребом мне к счастью устремиться,
Я понесусь сквозь осени и зимы,
Пока не встречу своей синей птицы.

Во все белое облачусь
И устрою праздник себе.
И в других отгоняя грусть,
Освещу серость будничных дней.

Дождь люблю, но не томность туч,
И поэтому даже в дождь
Во все белое облачусь.
Приходи, буду рад тебе, гость.

Чайки смеялись в небе;
Кружась, друг за другом летали.
Вот так закружить и мне бы.
И не было б в жизни печали.

Кружить я хочу не в небе,
Здесь, на Земле. Небо - птицам.
За милой побегать мне бы,
В цветах луговых раствориться.

Клевета

*Не отзывайся о ближнем твоём
свидетельством ложным.
(9 заповедь)*

Свою догадку обращая в клевету,
Ты оклеветанного ранишь прямо в душу.
И сам подвергнешься небесному суду,
Одну из заповедей, данных нам, нарушив.

Язык болтливый лишний раз попридержи,
Не выпуская чернь злословия наружу.
Тогда не тронешь человеческой души,
И сможешь уберечь свою же душу.

Вот это дождь; вот это ветер!
Вот это брызги серебром!
И нет фонтана лучше в свете,
Чем ветер в гармонии с дождем!

Я посмеюсь над грустью, над печалью,
Тогда, услышав смех, они поймут,
Что ими я совсем пренебрегаю,
И вовсе им не нужен этот плут.

Разбудите в милых дамах счастье!

О женщине, о счастье, о любви...

Разбудите в милых дамах счастье!
Розами и теплотою ласки,
Шепотом горячим им признайтесь
В искренней любви, как в доброй сказке.

Не жалейте слов и поцелуев,
Не жалейте времени и слез,
Пусть душой ликуют, пусть ликуют
Женщины - причины наших грез!

Почему же у души нет стражников?
Почему у сердца нет охраны?
Чтобы в душу заходили только праздники,
И в сердце не пускали злые раны.

Чтоб душу выпускали прогуляться
На солнце, только чтоб ее согреть,
И только изредка для сладостного транса,
Чтоб не попала в пагубную сеть.

А сердце, чтоб любовью умывалось
И оставалось юным навсегда,
Не ощущая ни на миг усталость,
Вело, как путеводная звезда.

Любовь, любовь, любовь...
Она ли смысл жизни,
Что сердцу причиняет боль,
И юность делает капризной?
Она ли силой обладает?
Она ли силы придает?
С ней в сердце рыцарь
В бой вступает,
А сердце милой отдает.
Она ль империи крушила?
Она ли и врагов мирила,
И в душу к каждому войдя,
Порядок свой установила?
Что благо в ней, а что порок?
Как в ней узнать и то, и это?
Но это знает только Б-г,
И больше не найти ответа.
И остается лишь одно:
Любить, любить, любить без края!
Коль тяжело, так пей вино,
И пусть другим огнем оно
В твоих сосудах запыляет.

Жду покорно, не ропшу,
Не обманываюсь страстью,
Утром радуюсь лучу,
Жду покорно свое счастье.

А бывает иногда:
Тянет в омут с головою...
Но всему есть череда.
Жду покорно и не вою.

Вижу счастье у других
И завидую тихонько.
Жду покорно. Робок, тих...
Зависть белая... и только.

Знаю, все я получу.
Б-г всемилостив, я знаю.
Вновь обрадуюсь лучу
Чистым, ясным утром ранним.

Коль любитя, любите без остатка,
Любите кровью и душой, и телом.
Любите полноценно, коль вам сладко,
Любите, не боясь, любите смело.

Ведь сколько времени нам ни дано
Его нам мало будет, очень мало.
Покуда сердце биться не устало,
Любите, не взирая ни на что!

Чтоб не терпели горечи разлуки -
Не отрывайте друг от друга руки!

Мы в разных странах
Чувствуем друг друга.
Да, это странно,
Но страшна разлука.

И счастье чтобы
Нас не покидало,
Истопчем тропы
Трудностей сначала.

Пусть будет трудной
Каждая тропа.
Любовь - подруга
С нами навсегда.

Она даст силы,
Нас соединит,
Она даст крылья
И благословит.

Ароматная роза

Роза полнокровная, ароматная,
Взгляду и дыханию приятная,
Что питает тебя и тебя поит?
Отчего ты алая, отчего ты статная?

- Оттого я алая, что давным-давно
Парень с девушкой здесь слились в одно.
Поцелуй их один с ночи до утра -
Бездыханностью жизнь оборвало.

Аромат же мой – аромат любви:
Ведь в любви они жили дни свои.
Ну, а стан мой идет от их стройности:
Станы были у них кипарисовые.

Мне так хочется знать тебя лучше
И понять тебя хочется глубже.
Ты меня озаряешь как лучик,
И вот-вот ты мне голову вскружишь.

Я мечтаю о белой карете,
О тебе в подвенечном платье,
О прекраснейших чувствах на свете,
И мечту так хочу воспевать я.

И я буду молиться, молиться!
Буду ждать, буду ждать терпеливо!
Долгожданную синюю птицу,
Чтобы счастьем меня напоила.

Софисты

Мы влюбляемся в образ, придуманный нами.
И, себя обманув, мы софистами стали.
Мы влюбляемся в тех, коих и не встречали,
Или встретив мельком, дышим только мечтами.

Мы стихи посвящаем иллюзиям нашим,
И питаем надежду на мнимое счастье.
Нам и дни потускнелые кажутся краше,
И, душой воспаряя, нам хочется мчаться...

Мчаться к мифу, стремиться к придуманной сказке,
Чтоб душою разбиться в момент о реальность;
Чтобы сердцем рыдать в ужасающей тряске,
И порою идти на безумную крайность.

Мы влюбляемся в образ, придуманный нами,
И, себя обманув, мы софистами стали.
Но затем, отойдя от минувшей печали,
Снова жаждем иллюзий, живя лишь мечтами.

Привычка или любовь

Что сильнее привычка или любовь?
Что сильнее пленит необъятные души?
Что толкает на то, чтобы видеться вновь?
Что же все-таки легче в нас можно разрушить?

Не любовь ли сама в нас привычку рождает?
Иль привычка вливается плавно в любовь?
Но любовь лишь одно, что осталось от рая.
А привычка в раю...? Вот я думаю вновь...

Люди вместе живут, привыкая друг к другу.
И отрадно им вместе бывать, как одно,
И супруг говорит, что он любит супругу,
Та в ответ: «Я привыкла уже все равно».

Но откуда измены друг другу берутся?
Что толкает людей на презренный сей путь -
В омут скверны, порока и лжи окунуться?
В чем же, кто мне ответит, есть суть?

Не всегда есть в привычке гармония счастья.
Та гармония, что в нас рождает любовь.
Лишь она обладает огромною властью.
И, любовь обрета, мы хотим её вновь.

Я как-то розу в клумбе увидал.
Она была стройна и сочно-ала,
Её бутон рубинами сиял,
Но запаха она не издавала.

И я подумал: значит холодна,
Ведь аромат для розы - как душа.
Так для чего она расти должна,
Коль ей цена, как розе, ни гроша?

И сколько же на свете этих роз,
Которые, красою привлекая,
Затем в нас пробуждают море гроз,
В измотанную душу шип вонзая!

Букетик слов, преподнесенный вдруг,
Взращенных чувствами, оформленных умом,
Ей солнцем стал, все озарив вокруг,
Что раньше ей казалось только сном.

В нем, в каждом слове, истина звучит.
Он аромат надежды излучает.
Не оттого ли сердце так стучит,
И воздуха как будто не хватает?

Я одержим!
Я одержим её устами!
Её очами, голосом её!
Нет больше сил -
И днями, и ночами
Я чувствую Амура остриё.

Я в плен попал!
И словно в клетке кенар
Пою с рассветом песнь своей любви.
Девятый вал
Мне кровь в сосудах пенит -
То сам Амур мне сердце отравил!

Я с нею нем!
Но в одиночестве - оратор!
Кричу, зову, пытаюсь убедить,
Что сердцем всем,
Душою безвозвратно
Дышать хочу я ею, ею жить!

Неужели я вновь обратился в ребенка?
Трепещу, лепечу неуверенным слогом.
Как же долго я ждал и учился я столько,
Чтоб, дождавшись тебя, все рассеять в итоге.

Сколько разных сердец опьянял я речами,
Самоцветом играл каждый созданный образ.
Но исчезло все в миг, когда мы повстречались,
Все пытаюсь сказать, но дрожит снова голос.

Но ты знай: для тебя мое сердце богато,
И слова подберу, много красочных фраз.
Это только на время ушло все куда-то,
Но вернется и вновь заструится не раз...

Четверостишья

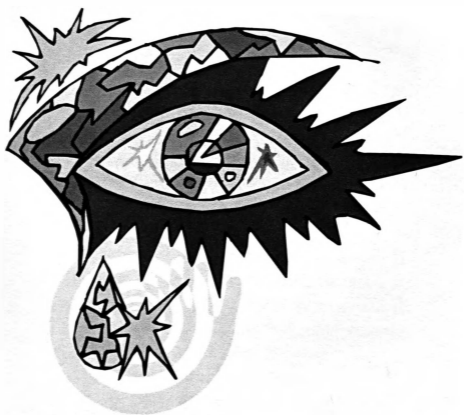
И в осень, и в весну,
И в лето, и в зиму
Любовь лишь одну
Приветствует Дима.

Любовью вволю я упьюсь
И пропитаюсь ею я.
Быть может, завтра снова грусть
Вползет, как скользкая змея.

Коль Г-дь дарует полу-счастье
Иль испытывает меру веры,
Остается лишь молиться чаще
И просить о счастье в полной мере.

Не судите по первому взгляду,
Не судите по первому слову.
Посидите, прислушавшись, рядом,
Присмотритесь внимательней снова.

И вновь у меня эстетический голод.
И вновь пробирается в душу мне холод.
И вновь хочу слышать голос я твой.
Прошу тебя, милая, дверь мне открой.

Мне тоже так хочется, хочется петь

О творчестве, музе и рецензентах...

Мне тоже так хочется, хочется петь.
Излить свои чувства и мысли о них,
И радость свою, и томящую мрень,
Пока трепет сердца еще не утих.

Я слышал, что раньше лечили болезнь,
Пуская из плоти излишнюю кровь,
Но я свою кровь обратить хочу в песнь.
И спевши её, буду петь ее вновь.

А петь, слава Б-гу, мне будет о чем.
О, сколько не спето еще до сих пор!
Порой моя песнь будет резать мечом,
И многим она прозвучит, как укор.

Но больше люблю своей песней лечить
Сердечные раны и боли души.
Тогда отправляю я в ножны мечи,
А песня эфиром весенним кружит.

Мне тоже так хочется, хочется петь.
Излить свои чувства и мысли о них.
Я пел и пою, и петь буду впредь,
Пока трепет сердца еще не утих.

Кто в музыке себя найдя, лелеет душу ею,
Кто, кисть уверенно держа, ликует дивным ликом..
А я, поэзией дыша, блаженствую хмелея,
И чувствую себя порой то Рубенсом, то Глинкой.

Смычком и кистью будет мне перо служить покорно;
Вот звуком сочно-сладостным ложатся строчки вровень,
И струны трепетной души слегка аккордом тронув,
Изобразю я лиры лик горячей краской – кровью.

Я просьбу посылаю в небо

Я посылаю просьбу в небо,
Чтоб муза снизошла ко мне.
И с нетерпением жду ответа.
Сейчас уж ночь, мне мало света,
Но думать не могу о сне.

Хочу услышать музыки струны,
И под мелодию ее,
Душою воспарив, бездумно
Кружиться в вальсе злато-лунном
С подругой-ноченькой вдвоем.

Хочу услышать музыки звуки,
Хочу поэзией дышать.
Без них я задыхаюсь в муке.
Покуда с ними я в разлуке,
Не жить мне - лишь существовать.

Услышь мольбу, Господь Всевышний!
Не зря ж Ты жизнь мне подарил!
И вот! ...Мне в ухо муза дышит,
О, Боже, ты меня услышав,
На творчество благословил!

О чем писать,
Кого хвалить?
Кого ласкать,
Кого забыть?
Кого воспеть,
Кого убить?
Кого задеть,
Кого любить?
Где тему взять,
Чей слушать глас?
Не хочет встать,
Уснул Пегас
Где, муза, ты!?
Приди уже!
Хочу весны
В своей душе,
Хочу цветы,
Хочу тепла.
Но дни скучны.
Одна лишь мгла.

Жалоба Музе

Он говорит: «Поэзия - наука»,
И мотивирует: «Я знаю, я поэт».
О, Муза! На тебя подняли руку!
Тебя тут изучают, как предмет!

Он говорил художнику седому
В упор, без такта, словно ломом в кость:
«Стихи слабы, пишите по-другому,
В вас опыта еще не набралось».

Он удивить решил нас словом «троп»
И этим нас в плееев обратить.
Я дал понять ему, что я не жлоб,
Но, Муза, я тебя хочу спросить:

«Скажи, поэтов Муза, умоляю,
Неужто термин наших чувств важней?
Уже ли душу, что мы в стих вплетаем,
Заменят строгий ямб или хорей?»

Он говорит, что только самородок
Имеет право терминов не знать!
А что иным...? Ладонь под подбородок
И о тебе лишь, милая, мечтать?

Иль вместо изложений чувств глубоких
Под звуки музыки прекрасной лиры,
Запоминать верлибры, тропы, стопы
Лимерики, октавы и терцины?

Прошу, о, Муза! Спой моим друзьям!
Тем, кто, поэзией дыша, живет в сем мире,
Кто пишет по утрам, ночам и дням
И внемлет музыке твоей сестрицы Лиры,

О том, что тот поэт, кто песнь свою поет
Под струны двух сестер божественно прекрасных,
Пусть и не знают терминов и нот,
И всё ж творения их вовсе не напрасны!

Если у автора написано «своице своимому», не кричи, что это украдено у Пушкина или у Шекспира, - автор мог сам до этого додуматься. Двух категорий (или гений, или кретин) мало - это свидетельствует только о бедности воображения критика.

Когда сечеши плохого автора, помни, что бывают и плохие критики... только их некому сечь.

Саша ЧЕРНЫЙ

Критикам и рецензентам

Вас, рецензенты-критики, хочу спросить,
Кто дал вам право души нежные судить,
Как ваш язык, налитый алой кровью,
Способен, не прилипнув к небу, в них палить,
Словно из пушек, ядрами злословья?
Или вы скажете, что это не злословье,
Стихи назвать бездарностью сплошною?
Что тот, кто чувства выразить спешит,
Пегаса хочет оседлать без боя,
Он этим против этики грешит?
А что, скажите, делать тем с душою,
Которые любовью, а не боем
Хотят с поэзией в союзе быть,
Пегаса приласкать, согреть любовью,
Чтоб шпоры не вонзать и плетью чтоб не бить?

Чтобы перо держать в руке окаменело,
И им царапать ладно и умело
По нежным, чутким и ранимым душам,
Бесцеремонно, жестко до безумства,
Чтобы душа до тошноты болела -
Иметь не сердце нужно, а гранит.
Таких поэзия не ценит, не щадит.
Она лишь тем дочь-музу посылает,
Кто начинающих поэтов направляет,
А не даёт им повод для обид.
Вас, рецензенты-критики, хочу спросить:
А можете ль в стихах вы оценить
Не только ритмику, не только рифму,
Но и в лохмотьях вышедшую нимфу,
И научить, как нимфе платье сшить?

Союз писателей

Я находился в обществе поэтов
И в нем отраду жизни ощутил.
В нем столько доброты, порывов, света!
В нем столько мне необходимых сил!

О, магия пленительного слова!
О, души, коим дорог свежий стих,
Я внемлю вам, и буду слушать снова
Вас, пробудивших трепет чувств моих!

Недопетые песни свои
Я еще многократно спою.
Их, не спетых в минуты зари,
Я спою, встретив зрелость свою.

Недопетые мысли свои,
Философскую думу свою
Я как яркого солнца лучи
До сердец и умов донесу.

Я спою о мечтах, о любви,
Свежих красок добавив струю,
Недопетые песни свои
Допою, встретив зрелость свою.

Посвящения

Как гении любые всех времен
Преследовались злыми языками,
Ты также был злословьем осквернен
Плебейами пера из ржавой стали.

Им зависть затмевала скудный ум,
Затем и очернить тебя желали,
Но ты, титан, хозяин славных дум,
Сумел достичь неизмеримой дали!

Твое усердие, терпение твоё
Питали дух служителя народу!
Пера не выпускал ты день за днем,
И обрела твоя душа свободу!

Свои иллюзии утратив, наконец,
Которыми снедаемы поэты.
Из реализма сплел себе венец.
Поэтом оставаясь, но *in petto*.*

Единственная революция была,
Которую веками возвышают,
Её создал писатель де Бальса,**
Преодолев все в жизни испытанья.

Ты к шпаге Бонапарта прикрепил
Записку с своим дерзким обещаньем.
И, не жалея времени и сил,
Ты утолил с лихвой свое желанье.***

Ты покори́л весь мир своим пером,
Как император острым клином шпаги,
Хотя всегда с умом шел напролом,
Не сотворил, ни силой, ни отвагой.

О, Оноре! Великий де Бальзак!
Ревнитель нравственности, правды жизни,
Творивший из чернил души бальзам.
Благословит твой чистый дух Всевышний!

*in petto – в душе (лат.)

** Настоящая фамилия писателя Оноре де Бальзака – Балса. Была переделана в «де Бальзак» его отцом для благозвучия.

*** Оноре де Бальзак прикрепил к шпаге Бонапарта на статуэтке, стоявшей у него на столе, записку: «То, что ты не покори́л этой шпагой, я покори́ю пером».

Вот и прошел ты три десятка, брат.
Твой возраст зрел, и этим он прекрасен.
Будь полон сил, пусть разум будет ясен!
Будь счастьем своему и жизни рад!

Чтобы никто тебя не мог предать,
Тем самым твое счастье оскверняя,
Люби всегда и будь любим без края!
Желаю все, что может брат желать!

Аннушке

Я тепло твоей доброты
Пью, как сладкий, лечебный мед.
Ну, а прелесть твоей красоты
Вознесу, как небесный свод.

И страданием всем твоим
Настрадаюсь я так же, как ты.
О тебе песню петь любви
Буду нежно на все лады.

Ты дремавшую душу мою
Пробудила, как будит весна.
Я тебя всей душою люблю,
Пробудившейся ото сна...

Я, дамы, вам пишу, кому теперь за тридцать.
Я вас пою, и эта лучшая из песен.
И эта жизни вашей лучшая страница,
Коль с вами в ней парит мужчина в поднебесье.

Объятья ваши - не объятья юной леди.
Объятья ваши - они жаркие как лето.
О, так сладки и так сочны вы в годы эти,
Как плод тропический, вкушенный на рассвете.

Я, дамы, вам пишу, кому теперь за тридцать.
Я вас пою, как свою лучшую из песен.
Пусть будет красочна всегда сия страница,
Чтобы мы чаще возносились в поднебесье.

Моей «Мадаме»

Я не могу не восхищаться Вами,
Роскошным станом, небом ваших глаз.
К Вам обращаясь ласково: «Мадама!»,
Пытался чувства выразить не раз.

И снова обращаюсь к Вам, Мадама,
В перо вложив все чувства в этот раз:
- Пусть не сгибается ваш стан упрямый,
И не тускнеет небо ваших глаз.

Своей улыбкой день наш озаряя,
Достойны вы десятков ярких фраз,
А я же вновь цветущим юным маем
К вам обращусь: «Мадама!»... и не раз.

Джульетте

И сколько буду я еще так ждать,
Покуда образ милый твой узрю?
И сколько буду я еще страдать?
Мне нечем быть, мне некуда бежать -
Ведь лишь с тобою буду я в раю

Я просыпаюсь с именем твоим,
И с именем твоим я засыпаю.
Мне без тебя весь этот мир не мил
И жаждой быть с тобою лишь томим,
Я в ожидании всю молодость сжигаю.

Ты хочешь видеть маковый расцвет, *
И видишь себя, маки собирая.
Но маки есть, тебя ж все нет и нет.
Но алоэ тоже свой теряет цвет,
Ведь время - оно лечит и сжигает.

Не дай цветам тем в одиночестве сгореть!
Дай руку, и пойдем дышать цветеньем!
Приди ко мне, чтоб душу мне согреть.
Не дай любви цветущей умереть,
Но дай упиться счастья наслаждением!

* Джульетта любит незабвенный
шлягер «Маки» С. Ильясафова

Кассирше

Я восхищаюсь, я люблюсь, я пою,
Ибо душа моя поет, узрев тебя:
Твой кроткий взгляд, улыбку нежную твою
И очи, добротою что блестят.

Что этот весь роскошный магазин,
Когда за кассой ты, прекрасная, стоишь,
И, затмевая тысячи витрин,
Красой своей клиентов всех пленишь.

Тебя воспеть в стихах не хватит слов,
Но чувствами богаче человек.
Ты воплощение мечты, ты образ снов!
Любой бы образ пред тобой поблек.

Не мог не выразить я чувств своих,
Не в силах скрыть был я блаженство рая.
Всегда же будь такой, красой блистая,
И снисходительно прими мой стих.

Злобность кассирши

В эту ночь ты меня не узнала как будто,
И на зов мой к тебе лишь откликнулась ты
С недовольством, презрением, холодно, круто,
Этим самым во мне отравляя мечты.

И глаза засверкали не пламенем теплым,
Засверкали они ужасающим льдом.
И флюид, из тебя исходящий, был злобным,
Словно ты в этот миг говорила с врагом.

Я просил лишь присесть, уделив мне внимание.
Столько времени силы пришлось мне копить,
Чтобы в этот момент, отгоняя страдания,
О волнующем душу мою расспросить.

Ты из рук своих нежных, лебедушкокрылых
Не желала пакеты свои выпускать.
Я тебя предложил проводить до квартиры.
-Не хочу, - ты сказала, не давая мне встать.

Почему же ты - милая, нежная, хрупкая
Чувства нежные хрупкой души оскорбила,
Чем тебе опротивел, чем стал ненавистен я?
Что тебя, луноликую, вдруг возмутило?

Неужели любовь бескорыстная, истая,
Не дающая даже дышать на тебя,
Злобу вдруг пробудила в тебе так неистово,
Злостью этой тебя и меня теребя?

Брату-другу Марлену

О, как мы были молоды когда-то,
С наивным сердцем, с непорочною душой.
И с нетерпением ждали мы брат брата,
И юность бурною бурлила в нас рекой.

Ты вспомни, как, садясь за пианино,
По клавишам неистово стучал.
На шее нерв твой напрягался сильно,
Ты громко пел, порой почти кричал.

А помнишь, как Есенина мы пели?
Я томик пред тобою раскрывал.
От лирики его мы так пьянели!
Истомой, нежностью тогда твой глас звучал.

А как по очереди мы несли друг другу
С накрытых дома для гостей столов
Еще горячими, изысканные блюда...
Тогда друг друга понимали мы без слов.

Но вдруг вихрь жизни страшно-беспощадный
Унес былую молодость куда-то,
Сердца замучил, душу сделав грязной,
Внезапно разлучил нас - брата с братом.

Нас окунул в порок, в болото скверны,
Отняв наивность, третий глаз нам вставил.
Дав нам понять смысл назначенья меры,
Неписанных придерживаться правил.

Пусть мы с тобой не так чисты душою.
Сердца в рубцах - к ним не пристанет лесть.
Но сердце и душа-то все же есть!
И мы живем, и мы поем с тобою!

Добра, веселья в нас всегда хватало.
И пусть, хоть молодость унесена куда-то,
Давай, брат, снимем скорби покрывало
И, как и прежде, будем ждать брат брата.

Было ль, не было ль, не знаю...

Сказки и были

21. И навел Господь Б-г оцепенение на человека, и он уснул. И взял Он одну из его сторон, и закрыл плоть под нею. 22. И отстроил Господь Б-г сторону, которую взял у человека, (чтобы ему быть) женой, и привел ее к человеку. 23. И сказал человек: Эта на сей раз! Кость от моих костей и плоть от плоти моей! Эта названа будет женой (иша), ибо от мужа (иш) взята она. 24. Потому покинет муж своего отца и свою мать, и прильнет он к жене своей, и станут они плотью единой.
(Тора. Беришит)

Она меня спросила: «Ты женат?»
Я ей ответил, улыбаясь: «Нет».
В уста её - в надломленный гранат
Глазами впился молодой поэт.

Она ж глазами в никуда уйдя,
Продолжила: «А я в семнадцать лет,
Неопытное робкое дитя,
Ушла в совсем мне незнакомый свет.

Мы не имели мнения тогда.
И не по воле выдавали нас.
Замужество свалилось как беда.
Никто не слышал вопиющий глас.

Теперь - свобода! Я разведена!
Я - бабушка и вышла в новый свет»
«Что тут хорошего, коль вы одна?» -
Засомневался молодой поэт.

«Свободы смысл - он незнаком тебе!», -
И тут вдруг к небу устремила взор.
«Поверьте, это так знакомо мне...», -
Я ей ответил, выслушав сей вздор.

«Нет, ты не знаешь, - вновь затрепетав,
Сказала мне «свободная душа», -
Ты молод и поэтому неправ,
А я, мой милый, всё давно прошла».

Представил я, как раньше ей жилось,
И отчего теперь ей так легко.
Но мы знакомы с нею только вскользь.
Понять меня ей, видно, не дано.

Семнадцать - далеко не тридцать лет.
В семнадцать был я ветром во степи.
Но без ребра - неполон мой скелет.
И больно без него - как ни терпи.

Спор

Поспорили Надменность с Простотой,
Кого на свете больше уважают.
И вдруг одна из них кричит: «Постой!
Пойдем-ка к Логике, она-то лучше знает».

Вторая согласилась с ней вполне,
Ответив: «Логика всегда права.
Давай немедленно направимся мы к ней,
И пусть нас убедят её слова».

И вот соперницы к судье своей явились
И объяснили Логике свой спор.
И как же бедные сестрицы удивились,
Когда судья их им дала отпор.

Она ответила: «Я вам не ужогу,
И вы уж, милые, меня простите -
Ведь я же с женщинами не дружу.
Вы лучше к Справедливости сходите

Соперницы ушли в недоуменье:
«И это Логика нам говорит?!»
Надменность впала в жуткое смятение:
«Что ж о себе она такого мнит?!»

Но Простота ответила спокойно:
«Придется к Справедливости идти.
Она рассудит нас определенно.
А значит, нужно нам её найти».

Надменность тут совсем запылала:
«Ты что, наивная, ты что несешь?
Когда ты Справедливость ту видала?
Её и днем с огнем ты не найдешь!»

Соперница в ответ: «Ты не волнуйся,
И остуди ты свой свинцовый нрав,
И как индюк на Логику не дуйся.
Идем же и узнаем, кто тут прав.

Я знаю Справедливость где искать.
Она ведь рядом с Истиной живет.
О них давно уж стали забывать,
Но в наше время мир их очень ждет».

Надменность вдруг как заорет на Простоту:
«Ты что?! Куда, куда тебя несет?!
Что, Истина живет лишь за версту?
Иль мы с тобой имеем самолет?!

Нет, не согласна я взбираться к ней!
И все равно, я докажу тебе,
Что для людей я в сотни раз важней.
Да, да, я им всегда нужна, везде!

Когда лицо мой вид приобретает,
К нему придраться люди не стремятся.
Пылинка - даже та не прилипает,
Не то чтоб кто-то смог поиздеваться.

Меня приобретают короли,
Поэты, королевы красоты,
Актеры многие меня приобрели,
Все те, чей вид не терпит простоты».

«Да, да! - ей отвечает Простота. -
С тобою те же люди смерть нашли.
Со мною же в союзе Красота,
Со мною многие и счастье обрели.

Но император, обретя тебя,
С позором с поля боя убежал,
Поэт с тобой, язык свой не щадя,
От пули оскорбленного упал.

Красавица, надменность обретя,
Лишалась чистой искренней любви.
А без любви своей, с ума сойдя,
Заканчивала рано дни свои...»

«А ты чем лучше?! - вскрикнула Надменность. -
Ты скольких превратила в куртизанок?!
А сколько душ ты обратила в бедность?!
О, сколько, бедная, ты получала палок?!

И так они ругались до тех пор,
Пока, спокойной поступью ступая,
К соперницам, услышав страшный ор,
Спустилась справедливость, бед не зная.

Вся пышная, спокойная, как Лень,
В ней чувствовалась сила неземная.
К ним подошла спокойно, словно тень,
Тем самым страх соперницам внушая.

Соперницы, увидев её, вмиг
Умолкли, будто призрак увидали,
И громогласный спор их вдруг утих.
Они, бедняжки, аж затрепетали.

«Ну что, красавицы, - им молвит Справедливость. -
Что, милые, вы так затрепетали?
Я так страшна, скажите мне на милость,
Иль меня, старую, уже давно не ждали?»

Но знайте, что везде бываю я,
И никого я без себя не оставляю,
Ведь слова «поздно» нету у меня,
Так что, везде, всегда я успеваю.

И к вам, соперницам, пришла я неспроста -
Вы в спорах все границы перешли.
Но вас я, милые, поставлю на места,
Чтобы спокойнее себя вели.

Запомните и помните всегда:
Никто на свете вас не уважает!
Использовать на время - это да!
Но лишь безумцы вами обладают!

Не те безумцы, коим песни мы поем,
Нет, Храбрости вы вовсе не нужны.
А те, в ком маленький мирок мы узнаем,
А не безбрежность человеческой души.

Но вы-то есть, и никуда не деться.
Так мир пришел, и так проходит он.
Вы можете в сердцах людских погреться,
И это всё! Заканчивайте спор!

Гнилая шпала

Я в заброшенном поле костер разжигал,
Вместе доски сухие сложив аккуратно.
Его пламень и слух мой, и взгляд приковал.
Он, фонтаном искря, и трещал, и пылал.
Умиляться костром так мне было отрадно.

Но недолго горели все тонкие доски,
И пошел я выдергивать толстую шпалу.
Эта шпала была тяжела и громоздка,
Но коль нужно, то ты постарайся немножко.
Вот и бросил в костер её, чтобы пылала.

Ну, а шпале той было уж множество лет.
Вся изгнила, став домом жукам и букашкам.
Хоть и форма осталась, а дерева нет -
Погруженная в землю, не видела свет,
Вот и стала та глыба гнилушкой, трухляшкой

Снова взглядом своим обратился к костру,
Но гляжу на него: что же это творится?
Задыхаясь, сижу я в зловонном дыму.
И подую в очаг, шпалу переверну,
Жду - ну, кода же костер разгорится?

Только нету костра, вяло шпала лишь тлела.
И язычки от пламени бывшего
Слегка поддерживали жар гнилого тела.
И взгляд не льнул, а сердце леденело
При виде тления бесцветного, немого.

И вдруг невольно мысль пришла ко мне:
Неужто человек - он тоже так гниет,
И не поет душа, как раньше по весне,
Не согреваема ничем, никем,
И не пылает, не магнитит, не зовет.

Сердце матери

Пришел отец, заходит в дом
И видит: мать к нему бежит
Со скорбным, горестным лицом.
И, как от тысячи обид,
Бледнеет шелк её ланит,
И слезы все текут ручьем.

Сию картину увидав,
Отец испуганно спросил:
«Какая вдруг пришла беда?
Прошу, все толком разъясни.
Ты вовсе выбилась из сил».
И мать ответила тогда:

«Я чувствую, наш сын в беде,
Да, что-то приключилась с ним...
Пойди, узнай, как он и где
Иди скорее позвони!
Иди, мне душу не томи!
Иначе нет покоя мне!»

Ушел отец, чтоб позвонить,
Узнать у дочери своей,
Что с сыном их могло бы быть?
Их дочь и сын в другой стране,
В Обетованной стороне,
И дочь - связующая нить.

Мать себе места не найдет,
Никак к ней не придет покой.
А сердце ноет, сердце жмёт:
«Твой сын, твой младший, твой родной
С какой-то встретился бедой!»
...И душу давит скорби гнет.

Пришел отец, заходит в дом,
На встречу мать к нему бежит.
Отец с сияющим лицом
С порога прямо говорит:
«Наш сын здоров, одет и сыт,
Лишь был немного удручен -

Вчера подарок потерял
Обеих бабушек своих
И потому переживал.
Теперь порядок - он утих.
Тревогу ты свою уйми
И успокой волнений шквал».

Сказка

Было ль, не было ль, не знаю,
Но сказать могу одно,
Что об этом в нашем крае
Слух прошел давным-давно.

Дело было в день осенний.
В эти дни идут дожди.
В это время даже в сени
Без труда вам не пройти.

Заливает все в округе;
Гром гремит, тряся дома;
Весь аул, бросая плуги,
Ждет, когда придет зима.

И вот в этот день ненастный
Там произошел курьез.
Но для них, героев наших,
Было все совсем всерьёз.

Им-то день вот этот самый,
Что других лишает сил,
Стал в их жизни самым главным,
Он ведь их судьбу решил.

Тут пролог свой завершаю,
Начиная сам рассказ
О ненастье в нашем крае.
Все, как было, без прикрас.

На краю аула, в поле,
Жил красавец-петушок.
Дом он выстроил из соли -
В красоте он был знаток.

Солнце ясное лучится
В день, когда цветет орех,
Соль блестит алмазом чистым,
Очаровывая всех.

Но бедняжка, наш красавец,
В физике был полный «ноль» -
Он не знал, что соль - не сланец,
И вода размочит соль.

И настал тот день ненастный,
И размыло дом дождем.
Нам стихия неподвластна,
Заливает все кругом.

А с красавцем по соседству
Куточка одна жила.
Златоклювая же с детства
Петушку была мила.

У соседки дом был славный,
Лубяной был дом её,
И узорчатые ставни
Прикрывали в нем окно.

Ну, а домику такому
Дождь не страшен, как ни лей.
Не боится он и грома,
И непрошенных гостей.

Вспомнил тут шелкобородый
О соседушке своей.
И пошел, не зная броду,
К нежной пассии своей.

Ветер все сильней и стужа,
С клюва капает вода,
Лапки по колена в лужах...
Вот стихия, вот беда!

Наконец, дошел бедняжка
До желанного двора.
И озябшею костяшкой
Стал стучаться в ворота.

И кричит: «Пусти, соседка!
Я остался под дождем!
Дом мой смыло словно щепку!
Ведь из соли был мой дом!»

А соседка отвечает:
«Дождь и совесть твою смыл?
Я не кура там какая!
Убирайся! Будь так мил!»

Тот в ответ: «Ты что, родная!
Что за неуместный крик!
Неужели я не знаю,
Что чиста ты, как родник!

То ужасная стихия
Вдруг обрушилась извне!
Я ж теперь совсем бессилён!
Ты ж теперь - что ангел мне».

Тут и курочка смягчилась
И кудахчет, словно мать:
«Не горлань тут, сделай милость,
Не оставлю подыхать.

Подымайся на крылечко,
Но не ближе ни на шаг,
Да, и чтобы ни словечка,
Много сделано и так».

Прокудахтав сладкогласо,
Курочка закрыла дверь.
А сосед за мысли сразу:
«Что же делать мне теперь?»

И пока шелкобородый
Мысль свою перебирал,
Курочка к столу подходит
И давай лепить хинкал.

Сердце курочки забилося,
Словно бес проснулся в ней,
Запестрели перья крыльев
Яркой тысячей огней.

То вдруг челочку поправит,
То умоет клювик свой,
То еще что не по нраву.
В общем, не найдет покой.

И на печке оказались
Сковородки, котелки.
Затомился плов в казане,
Задымились шашлыки.

Аромат еды почуяв,
Петушок вскочил, как в бой.
И запел он песнь такую,
Искушаемый судьбой:

«Златоклювая красotka,
Птица райская моя!
О, прошу, не будь жестокой.
Не губи меня зазря.

Я тебя не потревожу,
Хоть давно дышу тобой
И не стану тебе ношей,
Милая, прошу, открой!»

Дверь соседка открывая,
Молвит петушку в ответ:
«Ты, петух, наглец без края,
Что таких не видел свет!

Что решил себе позволить,
Как свой клюв посмел раскрыть!
О, ты горе, мое горе!
Что за меринская прыть!

Как не стыдно тебе только,
Что за дерзость, что за ор?!
Заходи и потихоньку
Прыгай прямо на ковер!»

И метнув огнями крыльев,
Златоклювая ушла.
А сосед, в уме прикинув,
Стал решать свои дела.

Вдруг головку поднимая,
Гребень пикой наострив,
Он запел, как кенар в мае
На лирический мотив:

«Вижу, вот моя жар-птица,
Сказка добрая моя.
О, как сердце веселится,
На душе встает заря.

И душой парю как голубь
К милой горлице своей.
Это чудо! О, не сон ли,
Опьяняет сном царей?

Мне бы рядом очутиться,
К сердцу трепетом прильнуть
Моей сказочной жар-птицы.
И познал бы счастья суть».

«Что-то ты петух распелся, -
Тут хозяйка говорит. -
Ладно, сядь к столу, повеса,
Уж недолго до зори».

Поклевав слегка хинкала,
Молвил гость, взглянув глаза:
«Ты вина бы не достала?
С этим же не пить нельзя».

И достала она водки,
Слово больше не сказав,
Разлила лишь тихо в стопки,
Отведя свои глаза.

Сколько так сидели птички,
То лишь помнят небеса.
Мы лишь знаем, что яичко
Вскоре курочка снесла.

СОДЕРЖАНИЕ

О поэзии в прозе. М. Козакова	3
-------------------------------------	---

Тридцатая весна уж на пороге...

«Тридцатая весна уж на пороге...»	8
«Отошел ото сна и вижу...»	9
Юность	10
Взрослый сон	11
«Вот и осень я встречаю мирно...»	12
Мечты	13
Пробуждение чувств	14
Заповедь	15
«Не хочу обманываться боле...»	16
«Хочу раскинуть мысли я...»	17
«Голубеет небо...»	18
«Из сказок знаем мы о Джине...»	19
«Прочел дарованную Б-гом Тору...»	20
«Г-дь, молю: дай для души мне ветра...»	21
«Во все белое облачусь...»	22
«Чайки смеялись в небе...»	23
Клевета	24
«Вот, это дождь; вот это ветер...»	25
«Я посмеюсь над грустью, над печалью...»	25

Разбудите в милых дамах счастье!

«Разбудите в милых дамах счастье...»	28
«Почему же у души нет стражников...»	29
«Любовь, любовь, любовь...»	30
«Жду покорно, не ропщу...»	31
«Коль любится, любите без остатка...»	32
«Мы в разных странах...»	33
Ароматная роза	34
«Мне так хочется знать тебя лучше...»	35
Софисты	36
Привычка или любовь	37

«Я как-то розу в клумбе увидал...»	38
«Букетик слов, преподнесенный вдруг...»	39
«Я одержим...»	40
«Неужели я вновь обратился в ребенка...»	41
Четверостишья	42

Мне тоже так хочется, хочется петь...

«Мне тоже так хочется, хочется петь...»	46
«Кто в музыке себя найдя, лелеет душу ею...»	47
Я просьбу посылаю в небо	48
«О чем писать...»	49
Жалоба Музе	50
Критикам и рецензентам	52
Союз писателей	54
«Недопетые песни свои...»	55

Посвящения

«Как гении любые всех времен...»	58
«Вот и прошел ты три десятка, брат...»	60
Аннушке	61
«Я, дамы, вам пишу, кому теперь за тридцать...»	62
Моей «Мадаме»	63
Джюльетте	64
Кассирше	65
Злобность кассирши	66
Брату-другу Марлену	68

Было ль, не было ль, не знаю...

«Она меня спросила: «Ты женат?»...»	72
Спор	74
Гнилая шпала	78
Сердце матери	80
Сказка	82

Литературно-художественное издание

Раханаев Дмитрий Ильич

Недопетые песни мои...

Сборник стихов

Редактор – М.Козакова

Дизайн обложки и компьютерная вёрстка – Э. Алиев

Общая редакция издания – издательский дом «Мирвори»

Руководитель проекта - Й.Мишиев

Подписано к печати 22.03.2007

Формат: 60 x 90 1/16

Гарнитура Times

Усл. печ. листов 5,75

Издательский дом «Мирвори»

Адрес редакции: Израиль, Нетания, ул. Бренер 10

Адрес для писем: Israel, 42441, Netanya, P.O.B. 359

По вопросам приобретения и заказов обращаться по тел.:

в Израиле – 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822,

международные – 972-9-8840855, 972-54-7766822

E-mail: mirvori@mail.ru

ISBN 978-965-91102-0-9

9 789659 110209

Издательский дом «МИРВОРИ»

**Издание книг, брошюр, буклетов,
каталогов, календарей
Компьютерный набор, корректура,
редактирование,
художественный дизайн и графика
Консультации по всем вопросам
книгоиздания**

Мы пройдем с вами весь путь от рукописи
до выхода книги из типографии

«МИРВОРИ» - ВАША КНИГА В НАДЕЖНЫХ РУКАХ!

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МИРВОРИ

Адрес редакции: Нетания, ул.Бренер 10.
Адрес для писем: Р.О.В. 359, Netanya, 42441
Телефоны: 09-8840855, 09-8870811, 054-7766822
Электронная почта: mirvori@mail.ru

Непетые песни свои
Я еще многократно спою.
Их, не спетых в минуты зари,
Я спою, встретив зрелость свою.

Непетые мысли свои,
Философскую думу свою
Я как яркого солнца лучи
До сердец и умов донесу.

Я спою о мечтах, о любви,
Свежих красок добавив струю,
Непетые песни свои
Допою, встретив зрелость свою.